

ет только, что они больше русских любят почайничать, мягко полежать и пощеголять.

Зажиточные люди действительно соблюдают чистоту в своём переднем отделении дома, моют полы и несколько раз в год белят печь.

Вследствие затворничества татарской женщины жених не видит своей невесты до брака или, по крайней мере, предполагается, что не видит. Поэтому помолвка устраивается их родителями или при посредстве свахи. Представители сторон условливаются о количестве калыма. После помолвки жених не ходит к невесте, а посылает ей только подарки из предметов женского наряда. При этом стоимость даримых вещей берётся им не на свой счёт, а вычитывается из следующего невестинного калыма. Дней за семь до свадьбы начинаются свадебные пиры, на которые гости поочередно собираются то в дом жениха, то в дом невесты, и порознь: в один день – мужчины, в другой – женщины, все с разными подарками. Последний пир, после которого совершается брачный обряд, бывает при участии мужчин в доме невесты. Ни жених, ни невеста на нём не присутствуют. Первый ожидает его окончания за дверью, а невеста скрывается в спальне, приготовленной для брачной ночи. После пира, поевши с хлебом мёду и топлёного масла, обрядового кушанья, гости кладут на скатерть деньги в подарок невесте, которые и относятся к ней в спальню. После этого мулла, непрменный гость этого пира, приступает к совершению брачного обряда. Браки совершаются в очень ранних летах, жизнь девственная считается противоестественною, позорной как для мужчины, так и для женщины. Тем не менее брак не имеет никакого возвышенного и благородного значения, кроме обыкновенного сожития, причём женщины, как и на всём магометанском востоке, трактуются

только как материал для чувственных наслаждений мужа, его собственность, которую он приобретает за деньги. После брака молодая не вдруг переселяется в дом мужа, а остаётся на год и больше в своей семье. Муж ходит к ней как гость. Между тем устраивает у себя к её приёму всё, что нужно для семейной жизни.

Магометанское многожёнство к татарам не привилось, по всей вероятности, вследствие экономического затруднения содержать несколько жён вместе и вследствие неизбежных при полигамии семейных раздоров. «Лучше две собаки во дворе, – резонируют татары, – чем две жены в избе».

Мордвин не любит скупиться

Как ни легко мордвин русеет, как ни мала, на первый взгляд, разница между ним и русским крестьянином, однако, присмотревшийся глаз тотчас же сумеет отличить мордовское село от русского, а тем более, от татарского. Даже в Саранском уезде, где мордва живёт смешанно с русскими и татарами, всё же бросится в глаза устройство мордовского дома, которое мордвину полюбилось и не пришлось по нраву другим народам.

Сложена изба мордовская из доброго, толстого хозяйственного леса, благо мордвин не любит скупиться на то, чтобы обладать своё жильё на долгое время. Тотчас заметно, что хозяин не пришёл сюда на время, для того, чтобы урвать и снова искать новых мест, а выстроился с издавна надолго, рассчитывая так, чтобы внуки его все там же враз в излюбленном месте сидели и от него кормились.

Полюбил мордвин жить светло и не заститься света Божия, а, напротив того, прорубил в средней стене чаще всего три окна, хоть окна и небольшие, всё же не похожи на те дыры, в которые смотрит на мир божий русский человек. А от холода уберезётся мордвин тем, что всегда запасёт дров на зиму да и рамы зимние вставит со стёклами, а не станет затыкать их старыми зипунами и онучами. Он охотлив до чистоты и не терпит, чтобы у него из окна торчал всякий негодный хлам, который следует прятать от прохожего человека, а не на самое видное место совать. Крышу вывел мордвин высоко и богато укрепил её, чтобы не садилась крыша на низ. Подле крыши сдобрил он незатейливую скворечню, так как в характере его любовь к скотинке-животинке. И любит он, чтобы всякому дыханию вокруг его логова жилось хорошо. И главное, чтобы всё живое вокруг него плодилось и множилось. Под самую стреху засадил он самодельный из луба улей на божье счастье, на прилётный рой. Повелось это дело исстари и вошло в неизменный и неспорный обычай, что тот рой и хозяин, к кому он прилетит, чей улей облюбует.

Не станет мордвин ходить распоясавшись, так как считает это для себя и для других зазорным, а

Песня о дружбе

Люблю всех людей я,
На Волге живущих:
Чувашей, татар и башкир.
Мы дружбой сильны,
И всем вместе нам лучше.
Не зря мы пришли в этот мир.

*Елена Кувшинникова,
Муз. Виктора Кувшинникова*

потому и выучились мордовки делать шерстяные пояса. Красно-синие с чёрным, тесьмообразные и длинные до того, что два раза им обернёшься легко, а, подобравшись, и третий раз обмотаешься, да ещё и кисти спустишь для красоты. Высоко подвязываться не годится, следует опоясываться низко, под брюхо, и завязь делать все непременно на левом боку, так чтобы кисти приходились как раз на бедре. Такой пояс называется каркс, что значит попросту лыко, лыковый ремень,

и указывает на то время, когда мордва не щеголяла своими шерстяными поясами, а по нужде подтягивалась и придерживала свои шкуры берестяным или липовым лыком. И зимой, и осенью в холодную погоду надевает мордвин недлинный полушубок из белых овчин, чтобы не болтался он по ногам ниже колен и не мешал на трудной лесной работе.

Мордва хлебы печёт по-своему, совсем особенным манером. Изготовит хозяйка тесто да и поставит его на целую ночь кваситься в небольших квашнях. Утром она замесит хорошенько и заквасит в больших корытах, которые в богатых домах на эту потребу только и заведены. А в домах победнее они служат и иную подходящую службу. Как, например, бельё постирать, ребёнка выкупать. Хлебы не раскладываются по чашкам и не пекутся в плошках, а смазываются, кладутся на лопаты, причём под них подкладываются капустные листья, и затем садятся в печь. Русский народный напиток кислый квасок также облюблен и мордвою. Но его она придумала делать по-своему, хотя позаимствовала всё-таки у русских.

Девушки почти никогда не довольствуются своими собственными волосами и вплетают в каждую косу ремень или подкладывают паклю, к этой искусственной подкладке пришивают солдатские пуговицы и другие побрякушки, к концу подвески прикрепляли бисерную кисточку.

Глаза у мордвы светлые, то зелёные, то голубые, то карие с довольно узкими прорезьями, часто болят и слезятся... Это, по-видимому, национальная болезнь, причина которой ещё не разгадана.

Живёт мордвин гораздо лучше русского, он отличный работник. Всякий охотно принимает его. И когда приходится выбирать между мордвином и русским, то всякий отдаст предпочтение первому перед вторым. Мордвин – человек земли, и никто старательнее его не обрабатывает землю. Когда времени в его распоряжении достаточно, он посвящает его пчеловодству. Он является лучшим в крае пчелинцем. Никто бережнее его с пчёлами не обойдётся, но никто умнее его не отстроит, не вынет. Он ведь сын Мастыр-паза, как же ему не быть хорошим и трудолюбивым земледельцем.

Девушки охотно гуляют с русскими парнями и имеют даже от них детей, но нам не могли привести ни одного случая выдачи замуж мордовки в русскую семью.

Эрзянка. Симбирская губерния. Фото В. Каррика